М. А. БАКУНИНЪ.

Всесвѣтный революціонный союзъ
соціальной демократіи.

М. А. БАКУНИНЪ

ВСЕСВѢТНЫЙ РЕВОЛЮЦІОННЫЙ СОЮЗЪ

СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТІИ

РУССКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

КЪ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

БЕРЛИНЪ.

Изданіе Гуго Штейница.

Шарлоттенштрассе 2.

Вниманіе Европейской Демократіи обращено въ настоящее время на Россію. Слухи о безчисленныхъ арестахъ, о повсемѣстномъ волненіи и о готовящемся взрывѣ народныхъ массъ, заставили призадуматься даже и тѣхъ представителей общественнаго мнѣнія на Западѣ, которые наименѣе расположены допустить возможность цѣлесообразнаго народнаго движенія въ Россіи.

Само петербургское правительство, неумѣвшее скрыть ужаса объявшаго его, въ эти послѣдніе дни, при первомъ столкновеніи съ серьезнымъ народосвободительнымъ предпріятіемъ, много способствовало къ открытію глазъ западной публики. Ругательно-клеветливыя статьи петербургскихъ и московскихъ газетъ, имѣвшія цѣлію испокоить русскую публику и надуть публику европейскую, способствовали, только напротивъ, къ пробужденію и той и другой. Наконецъ безчисленное множество русскихъ шпіоновъ обоего пола,

высланныхъ правительствомъ за границу, и хлопотливое рысканіе предводителей этой грязной толпы — Шувалова, Мезенцева, Трепова и другихъ, мечущихся какъ угорѣлые изъ Петербурга въ Берлинъ, изъ Берлина въ Парижъ, изъ Парижа въ Вѣну, оттуда въ Швейцарію и Лондонъ, — все это окончательно доказало Европѣ, что въ Россіи движеніе подымается не на шутку, и что правительству русскому грозитъ большая опасность.

Всѣ спрашиваютъ: что же можетъ выйти изъ такого движенія? Западная европейская публика, въ отношеніи къ этому вопросу, также какъ и въ отношеніи ко всѣмъ другимъ, раздѣляется на множество разныхъ партій. Назовемъ главныя:

1-я, партіи отъявленныхъ реакціонеровъ или консерваторовъ во что бы то ни стало. Она состоитъ изъ всѣхъ большихъ собственниковъ: поземельныхъ, капиталистовъ, негоціянтовъ и фабрикантовъ, и изъ значительной толпы людей снискивающихъ черезъ нихъ средства къ жизни, а потому и зависящихъ отъ нихъ непосредственно. Сюда же принадлежитъ весь міръ оффиціальный,

огромная масса привиллегированнаго чиновно-военнаго люда во всѣхъ государствахъ. Нечего и говорить, что эта партія относится враждебно къ русскому, равно какъ и ко всякому другому народному движенію.

Къ этому разряду принадлежитъ также, по самому существу своихъ стремленій, 2-я партія ультрамонтанская или католиковъ-іезуитовъ. Она стоитъ вездѣ во главѣ самой яростной реакціи, и должна бы была быть для каждаго правительства союзницею драгоцѣнною. Она и въ самомъ дѣлѣ проповѣдуетъ народнымъ толпамъ терпѣніе и послушаніе властямъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ самыя власти подчинились безусловно велѣніямъ Римскаго Папы. Такое требованіе, вытекающее впрочемъ изъ самаго существа католическаго ученія, мѣшаетъ партіи ультрамонтановъ слиться вполнѣ съ партіею государственныхъ консерваторовъ. И до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Римская церковь*), до тѣхъ поръ она останется

*) Протестантская церковь давно помирилась и слилась съ государствомъ, сдѣлавшись его покорнымъ слугою, точь въ точь какъ въ Россіи православная церковь.

внѣ государства и соперникомъ государства, соперникомъ, но вмѣстѣ и неразрывнымъ союзникомъ. Католическое государство и Римская церковь поставлены въ отношеніи другъ къ другу въ такое странное положеніе, что онѣ ни жить вмѣстѣ, ни существовать другъ безъ друга не могутъ; и потому вся исторія ихъ наполнена періодически перемѣжающимися разрывами и примиреніями.

Въ отношеніи въ Всероссійскому государству, положеніе Римской церкви совсѣмъ другое. Она смотритъ на него какъ на вредную церковь, и на царя какъ на антихриста, антипапу. Поэтому самому она не относится къ народному движенію въ Россіи съ тою ненавистью, съ какою относится къ нему партія западныхъ государственныхъ консерваторовъ. Она готова видѣть въ немъ перстъ божій, наказаніе за отступничество и даже была бы не прочь оказать ему свою опасную помощь, въ надеждѣ, что разрушеніе русскаго государства возстановитъ могущество аристократической Польши, и сдѣлаетъ Россію доступною для Римско-католической пропаганды.

3-я болѣе прошедшая, чѣмъ настоящая партія въ Западной Европѣ, это партія доктринеровъ, умѣренныхъ либераловъ или конституціоналистовъ — партія средняго мѣщанства. Она процвѣтала, была могуча, умна, предъпріимчива въ продолженіи тридцати шести лѣтъ, отъ 1815 до 1851 года; но съ тѣхъ поръ, какъ страхъ соціальной революціи заставилъ ее искать спасенія подъ покровительствомъ военной диктатуры, она утратила весь умъ, всю вѣру, всю силу. Безпомощность ея обнаруживается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Ей ненавистно даже самое слово революція, напоминающее ей прошедшій позоръ и настоящее безсиліе. Она имѣетъ еще теперь только матеріальное значеніе, да и оно видимо уменьшается подъ двойнымъ напоромъ всемогущихъ большихъ капиталовъ, съ одной, и грозно выступающаго пролетаріата, съ другой стороны.

Изъ этой партіи выдѣлился разрядъ людей болѣе энергичныхъ и радикальныхъ, образующихъ 4-ую партію республиканцевъ или исключительно политическихъ революціонеровъ. Во главѣ ея стоятъ нынѣ, во Франціи Ледрю-Ролленъ, въ Италіи зна-

менитый Маццини. Они преслѣдуютъ утопію, хотятъ осуществленія свободы, равенства и братства между людьми и народами, безъ соціально-экономическаго переворота. Хотятъ сохранить общественныя и государственныя основы неправды и уничтожить неправду, и обѣщаютъ совершить это чудо посредствомъ демократическаго народнаго воспитанія, позабывая или даже не зная, что первое, необходимое условіе такого воспитанія — это дѣйствительное равенство экономическаго и соціальнаго положенія для всѣхъ.

Между радикальной партіею республиканцевъ и доктринерно-умѣренною партіею конституціонныхъ либераловъ — нѣтъ существеннаго различія. Начало у нихъ тоже самое, только темпераменты ихъ различны. Какъ тѣ, такъ и другіе ставятъ въ основаніе общественной организаціи: государство, семейное право, вытекающее изъ него право наслѣдства и личную собственность, т. е. право имущаго меньшинства эксплуатировать трудъ неимущаго большинства. Разница между ними состоитъ только въ томъ, что доктринерные либералы хотятъ сосредоточить всѣ политическія права

исключительно только въ рукахъ эксплуатирующаго меньшинства, а радикальные либералы хотятъ ихъ также распространить и на эксплуатируемыя народныя массы. Доктринеры смотрятъ на государство, какъ на крѣпость созданную главнымъ образомъ для утвержденія за привиллегированнымъ меньшинствомъ преобладанія политическаго и экономическаго; а радикалы напротивъ, указываютъ народу на государство, какъ на защиту противъ деспотизма того же самого меньшинства.

Должно признать, что логика и весь историческій опытъ на сторонѣ доктринеровъ! Пока народный трудъ будетъ кормить, содержать и обогощать привиллегированныя сословія, до тѣхъ поръ народъ, неспособный къ самоуправленію, будетъ непремѣннымъ образомъ управляемъ, именно въ виду этой принужденной работы не на себя, а на другихъ, сословіями его эксплуатирующими. Тутъ ничего не сдѣлаетъ даже самая широкая демократическая конституція, потому что фактъ экономическій всегда сильнѣе политическихъ правъ, которыя имѣютъ смыслъ и дѣйствительность только по скольку онѣ на немъ

опираются. Да наконецъ, самыя слова: равенство политическихъ правъ, или демократическое государство, заключаютъ въ себѣ вопіющее противорѣчіе. Государство, государственное или политическое право, означаетъ силу, власть преобладаніе: предполагаютъ фактическое неравенство. Гдѣ управляютъ всѣ, тамъ нѣтъ болѣе управляемыхъ, нѣтъ государства; гдѣ всѣ пользуются одинаковымъ человѣческимъ правомъ, тамъ всѣ политическія права упраздняются сами собою. Политическое право означаетъ привиллегію, но гдѣ всѣ равно-привиллегированны, тамъ привиллегія исчезаетъ а съ нею и политическое право обращается въ ничто. Поэтому слова: демократическое государство и равенство политическихъ правъ, означаютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтоженіе государства и упраздненіе всѣхъ политическихъ правъ.

Извѣстно, что радикальная партія стремится не къ такому равенству политическихъ правъ. Не уничтоженія, а положительнаго распространенія ихъ на народныя массы требуютъ республиканцы. Они требуютъ невозможнаго, обманывая въ тоже самое время и себя и на-

родъ. Впрочемъ ихъ идеалъ уже осуществленъ большею частію въ нѣкоторыхъ щвейцарскихъ кантонахъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. И что же, не смотря на все мнимое равенство политическихъ правъ, и въ Америкѣ и въ Швейцаріи мы находимъ тоже самое фактическое подчиненіе чернорабочаго большинства управляющему имъ имущему меньшинству. Никакія референды*) и никакія другія усовершенствованія и расширенія политической конституціи не въ силахъ уничтожить его. Его можетъ сломать только соціальная революція, разрушительная для государства, для личной собственности, для семейнаго права и для того что называется политическими правами.

Собственно, радикальная партія утратила нынѣ всякое значеніе, смыслъ и силу, также какъ и партія либеральныхъ конституціоналистовъ; онѣ не имѣютъ ни будущаго, ни

---

*) Referendum, такъ называется въ иныхъ кантонахъ Швейцаріи новое право, въ силу котораго всѣ законы, принятые законодательнымъ кантональнымъ совѣтомъ народныхъ депутатовъ, подвергаются потомъ непосредственному и поголовному голосованію народа.

настоящаго и принадлежатъ объ прошедшему времени. Республиканскій радикализмъ проявился во всей своей героической красотѣ и силѣ въ короткій, но величественный и вѣчно достопамятный періодъ первой французской революціи, и погибъ на эшафотѣ вмѣстѣ съ Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ. Бабефъ (первый революціонный соціалистъ, сложившій голову на томъ же самомъ эшафотѣ, два года спустя) произнесъ надъ нимъ надгробное слово. Съ тѣхъ поръ, убитый не столько топоромъ гильотины, сколько своимъ собственнымъ, внутреннимъ и для него самого неразрѣшимымъ противорѣчіемъ, радикализмъ республиканскій — живой, настоящій, предпріимчивый, сильный и полный вѣры въ себя, никогда не воскресалъ болѣе. Мѣсто его было занято блѣдною, фантастическою тѣнью, способною еще увлечь за собою нѣсколько десятковъ или даже сотенъ лицъ, но не способною болѣе поднять народныя массы.

Но даже и эта тѣнь умерла въ Іюньскіе дни 1848 года, когда размолвка между буржуазнымъ радикализмомъ и соціализмомъ народнымъ, развивавшаяся все болѣе и болѣе подъ управленіемъ конституціонной монархіи

и ставшая для всѣхъ очевидною съ первыхъ же дней революціи 1848 года, столкнула наконецъ обѣ враждебныя стороны на смертный, кровавый бой. Буржуазія на этотъ разъ побѣдила, но своею побѣдою она убила себя. Народъ же безсмертенъ, и крещеный въ крови пролитой имъ на Іюнскихъ барикадахъ, онъ двинулся впередъ на новую жизнь.

Извѣстно, что послѣ Іюнскихъ дней Маццини и Ледрю Ролленъ проклинали соціализмъ и тѣмъ самымъ изрекли приговоръ надъ собою и надъ всею партіею политическихъ республиканцевъ, осужденныхъ отнынѣ на ничтожество и безсиліе. Съ той поры, все что она предпринимала и предпринимаетъ, поражено въ самомъ корнѣ и проявляетъ самымъ плачевнымъ образомъ это безсиліе, вытекающее изъ совершеннаго равнодушія народныхъ массъ ко всѣмъ ихъ начинаніямъ. Въ настоящее время радикализмъ уже не просто тѣнь, а тѣнь тѣни, что-то неуловимое, невозможное и разлагающееся само собою. Называя и воображая себя революціонеромъ, онъ стремится къ реакціи, и во имя всесвѣтнаго братства, равенства и свободы, силится удержать отъ неминуемаго разрушенія всѣ

государственныя и экономическія основы, на которыхъ зиждется вся историческая неправда.

Какъ относится радикализмъ къ русскому движенію? Разумѣется враждебно. Онъ не смѣетъ высказать ясно этой враждебности, потому что русское движеніе все таки движеніе революціонное, а вѣдь онъ называетъ себя революціонеромъ. Но русская революція, въ полномъ смыслѣ этого слова — соціальная революція. Другой не можетъ быть въ Россіи: ну, а къ такой революціи радикализмъ республиканскій не можетъ относиться иначе, какъ враждебно. Не желая признаться въ этомъ чувствѣ, онъ старается замаскировать его подъ выраженіемъ нѣкотораго недовѣрія, отзываясь о русскомъ движеніи съ пренебреженіемъ и даже насмѣшкой.

Русскому движенію должно быть рѣшительно все равно, какъ относится къ нему радикальная партія западныхъ республиканцевъ. Мы сказали выше, что эта партія лишена всякой силы въ настоящемъ, всякой надежды въ будущемъ. Запертая между двумя дѣйствительно громадными и нынѣ единственно существующими силами: между старческою, но еще грозною силою всего реак-

ціоннаго, привиллегированнаго міра, осужденнаго, правда, не на сомнѣнную, близкую смерть, но еще могучаго своими несмѣтными богатствами, своею наукою, многовѣковымъ опытомъ въ дѣлѣ управленія и надуванія народовъ, своими безчисленными войсками и всею государственною организаціею; и между юною, восходящею силою многомилліоннаго пролетаріата, готовящагося нынѣ повсюду къ революціи соціальной — радикальная партія таетъ какъ снѣгъ весенній и исчезаетъ безслѣдно какъ тѣнь — за нею нѣтъ ни одного изъ тѣхъ жизненныхъ интересовъ, которые составляютъ основу серьезныхъ политическихъ партій. — Ей нечего дѣлать, не на что опереться, она чуждая для всѣхъ. Языкъ ея никому не понятенъ, кромѣ нѣсколькихъ сотенъ фантастическихъ адептовъ, не утомляющихся слушать монотонное повтореніе старыхъ, выжитыхъ, безслѣдно пропадающихъ фразъ. Для живыхъ и сильныхъ людей, попавшихъ въ нее ненарочно, вслѣдствіе ли преданія, или незнанія и неопытности, если они хотятъ остаться живыми людьми, открывается два исхода: они или должны перейти, открыто и смѣло, вслѣдъ за всею партіею

либеральныхъ доктринеровъ, въ партію рѣшительной реакціи, или должны стать подъ красное знамя соціальной революціи.

Да, въ настоящее время, по всюду, въ Америкѣ, равно какъ и въ цѣлой Европѣ, точно также какъ и въ Россіи, существуютъ только двѣ серьезныя, дѣйствительныя, сильныя партіи: Партія реакціи обнимающая собою весь міръ государственный и сословный, и опирающаяся на личной, наслѣдственно передаваемой собственности, на вытекающей изъ нея эксплуатаціи народнаго труда, на правѣ семейномъ, на божественномъ авторитетѣ и на государственномъ правѣ; и Партія Соціальной Революціи стремящейся неуклонно къ конечному разрушенію всего этого дряхлаго, многогрѣшнаго, преступнаго міра, дабы на развалинахъ его возсоздать только безльготный а потому и безгрѣшный міръ, основанный на общемъ трудѣ равно для всѣхъ обязательномъ, на вольномъ человѣческомъ правѣ и на человѣческой, наукою озаренной, правдѣ.

И такъ, мы не запинаясь, включаемъ во враждебную вамъ партію реакціи не только отъ внѣшнихъ реакціонеровъ и іезуитовъ, но

также и либеральныхъ конституціоналистовъ и даже радикальную партію исключительно политическихъ республиканцевъ. Обращаемся теперь къ соціалистамъ, которые раздѣляются также на три существенно различныя партіи. Прежде всего мы раздѣлимъ ихъ на двѣ главныя категоріи: На партію соціалистовъ мирныхъ или буржуазныхъ, и на партію соціалистовъ революціонеровъ. Эта послѣдняя партія подраздѣляется въ свою очередь на соціально-революціонныхъ государственниковъ и на соціально-революціонныхъ анархистовъ, враговъ всякаго государства и государственности.

5-ая партія, партія мирныхъ, буржуазныхъ соціалистовъ, или политически-соціальныхъ іезуитовъ, по всему существу своему принадлежитъ сполна къ партіи реакціи. Она составлена изъ людей принлдлежащихъ къ разнымъ политическимъ категоріямъ и кокетничающихъ съ соціализмомъ, только въ видахъ усиленія своей собственной политической партіи. Есть консерваторы-соціалисты, соціалисты-попы, либеральные и радикальные соціалисты. Всѣ признали соціализмъ

за грозную, восходящую силу и каждый тянетъ его на свою сторону, дабы въ немъ обновить свою дряхлую жизнь и возстановить съ его помощью свои умирающія силы. Въ толпѣ этихъ злостныхъ эксплуататоровъ соціализма, попадаются иногда и люди искренніе, благодушные, дѣйствительно желающіе улучщенія участи пролетаріата, но не имѣющіе достаточно энергіи въ умѣ, а также и въ волѣ, чтобы поставить передъ собою соціальный вопросъ, во всей его грозной истинѣ, чтобы признать абсолютную несовмѣстность прошедшаго съ будущимъ, или даже сегодняшняго дня съ завстрашнимъ днемъ, и тратящіе всю свою жизнь на тщетныя, пустыя усилія для того, чтобъ примирить непримиримое. — Они, какъ всѣ половинчатые и добродушные люди, желали бы устроить общество такъ, чтобъ и волки были сыты, да и овечки по возможности цѣлы. — Они искренни, правда, но самая искренность ихъ приноситъ огромный вредъ, прикрывая неискренность злостныхъ эксплуататоровъ соціализма.

Мирные соціалисты всѣхъ цвѣтовъ сходятся на одномъ самомъ существенномъ пунктѣ, опредѣляющемъ самымъ ощутительнымъ обра-

зомъ ихъ реакціонное направленіе, и обрѣкающемъ самыхъ искреннихъ между ними на раннее или позднее соединеніе съ партіею сознательной реакціи, если они не предпочтутъ присоединиться во время къ партіи революціоннаго соціализма.

Въ то время, какъ революціонное соціалисты, убѣжденные въ невозможности освобожденія пролетаріата при настоящихъ условіяхъ экономическаго устройства общества, требуютъ ликвидаціи соціальной и главнымъ образомъ упраздненія личной, наслѣдственной собственности, мирные соціалисты хотятъ напротивъ сохранить всѣ главныя и существенныя основы настоящаго экономическаго порядка, и утверждаютъ, что даже въ этомъ порядкѣ и при этихъ условіяхъ, необходимыхъ для успѣховъ цивилизаціи, рабочій людъ можетъ освободиться и улучшить существеннымъ образомъ свое матеріальное положеніе, единою, чудодѣйственною силою свободной ассоціаціи.

Они указываютъ по этому рабочему міру на образованіе обществъ для взаимной помощи, рабочихъ банковъ и коопера-

тивныхъ артелей, потребительныхъ и производительныхъ, какъ на единственное средство спасенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ умоляютъ его не вѣрить революціоннымъ утопистамъ, сулящимъ ему невозможное равенство и влекущимъ его, сознательно или безсознательно, къ конечному раззоренію и гибели.

Двадцатилѣтній опытъ, опытъ единственный въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, въ Англіи, въ Германіи, во Франціи доказалъ окончательно, что кооперативная система, заключающая въ себѣ несомнѣнно зародышъ будущаго экономическаго устройства, въ настоящее время и при настоящихъ условіяхъ, не можетъ освободить, ни даже улучшить существеннымъ образомъ положеніе рабочаго люда. Извѣстная ассоціація Рочдальскихъ работниковъ въ Англіи, надѣлавшая столько шума и возбудившая столько попытокъ подражанія въ другихъ странахъ, кончилась тѣмъ, что создала новую, коллективную буржуазію, преспокойнымъ образомъ эксплуатирующую массу не принадлежащихъ къ ней работниковъ.

Практическій смыслъ англійскихъ работниковъ угадалъ невозможность широкаго, обще-

народнаго примѣненія кооперативной системы при настоящемъ преобладаніи буржуазнаго капитала въ процессѣ производства и распредѣленія богатствъ, и наученые опытомъ массы передовыхъ и самыхъ энергическихъ работниковъ, входятъ нынѣ въ такъ называемые ремесленные союзы (Trades-Unions), созданные не для окончательной организаціи работы, нынѣ еще невозможной, а для организаціи борьбы противъ буржуазнаго капитала, міра чернорабочаго противъ бѣлоручнаго, льготнаго міра.

Въ Германіи считается нынѣ около 5000 рабочихъ артелей разнаго рода, основанныхъ главнымъ образомъ Шульцъ-Деличемъ, Гиршемъ, Дункеромъ и другими послѣдователями Шульца. И послѣ многолѣтняго опыта, можно теперь сказать смѣло, что онѣ рѣшительно не произвели ничего. Положеніе рабочихъ въ Германіи ни на волосъ не улучшилось; напротивъ, — сообразно извѣстному экономическому закону, по которому нищета рабочаго міра увеличивается въ той же мѣрѣ въ какой буржуазный капиталъ умножается и сосредоточивается въ меньшемъ количествѣ рукъ, положеніе рабочихъ въ Германіи, да и

во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ, значительнымъ образомъ ухудшилось.

Въ настоящее время, большинство германскихъ рабочихъ, повернувшись спиною къ Шульцъ-Деличевскимъ и Марксъ Гиршевскимъ мірно-кооперативнымъ заведеніямъ, записываются массами въ боевыя организаціи, или старой Лассальской, или новой соціально-демократической ассоціаціи.

Во Франціи, кооперативная система потерпѣла совершенное кораблекрушеніе. — Въ нѣсколькихъ городахъ существуютъ еще кое-какія ассоціаціи для потребленія или даже для производства, но онѣ еле-еле сводятъ концы и потеряли въ настоящее время всякое значеніе и всякую вѣру въ себя. За то во Франціи считается болѣе 6,000 обществъ взаимной помощи и предохраненія на случай болѣзни и старости. Число членовъ во всѣхъ около 1,200,000; но между ними около 187,000 почетныхъ членовъ, т. е. людей входящихъ въ эти ассоціаціи, безъ всякой собственной нужды, а для того чтобъ управлять ими или въ видахъ своей партіи, или въ видахъ правительства. Изъ 6,098 такихъ обществъ, 4,272 основаны и поддерживаются правитель-

ствомъ, которое въ замѣнъ этой помощи предоставило себѣ право назначать президентовъ. Замѣчательно, что въ правительственныхъ ассоціаціяхъ на 785,852 рабочихъ членовъ, считается 176,746 членовъ почетныхъ, т. е. на каждыхъ 9 работниковъ 2 почетные члены: префектъ, поддиректоръ, меры, мировыя судьи и разныя частныя и разумѣется богатыя и вліятельныя особы, преданныя правительству Наполеона III-го.

Таково было положеніе рабочаго люда во Франціи еще за годъ тому назадъ. Теперь все измѣнилось. Вызванный самою силой вещей, новый революціонный духъ пахнулъ на французскій пролетаріатъ, и онъ воскресъ, почуявъ въ себѣ опять прежнюю вѣру и прежнюю разрушительную силу. О кооперації, какъ о средствѣ спасенія, никто болѣе не думаетъ, никто въ нее не вѣритъ, и всѣ существующія рабочія ассоціаціи, на цѣлой поверхности Франціи, переобразуются нынѣ и связываются между собою въ огромный федеративный союзъ для революціонной борьбы работы противъ капитала.

Упомянемъ еще Италію и Испанію. Въ Италіи, также не болѣе года тому назадъ,

нельзя было назвать ни одного истинно соціалистическаго рабочаго общества. Въ средней и южной Италіи, равно какъ въ Піемонтѣ большинство работниковъ составляли общество для взаимнаго вспомоществованія и предохраненія, устроенныхъ на подобіе казенныхъ французскихъ, съ такимъ же преобладаніемъ правительства и прямымъ вмѣшательствомъ всевозможныхъ властей, отъ префекта до полицейскихъ. Въ Ломбардіи и въ Генуѣ существуетъ еще нѣсколько кооперативныхъ артелей устроенныхъ либералами; но большинство рабочихъ обществъ въ этихъ двухъ областяхъ повинуются исключительно національному и политическому руководству Маццини, преслѣдующаго нынѣ и какъ 40 лѣтъ тому назадъ, съ постоянствомъ обратившемся въ настоящее время въ пагубное упорство, все туже старую цѣль: возстановленіе единой, сильной, государственно-централизованной Италіи, съ Римомъ, столицею міра, и тратящаго тщетно послѣднія усилія, своей нѣкогда могучей воли, для того чтобъ воскресить и поднять одряблѣвшую итальянскую буржуазію, во имя бога и народа.

Впрочемъ должно замѣтить, что три года

тому назадъ, Маццини а за нимъ и Ледрю-Ролленъ дали наконецъ свое благословеніе кооперативной системѣ. До 1867 года, они отвергали съ негодованіемъ, они проклинали соціальный вопросъ. Съ высоты своего метафизическаго, юридическаго и политическаго идеала, они отзывались съ невыразимымъ презрѣніемъ а всѣхъ этихъ недостойныхъ попыткахъ чернорабочаго люда улучшить свое матеріальное положеніе и призывали его къ высокому служенію абстрактнаго величія республиканскаго государства. Но ходъ событій и сила вещей сломали наконецъ и ихъ величественно упорную волю. Для того чтобы не утратить послѣднее вліяніе на народныя массы, они должны были преклонить свои гордыя головы передъ восходящемъ и всепоглощающемъ могуществомъ соціально-экономическаго движенія. Они объявили себя наконецъ соціалистами. Но какими? Соціалистами буржуазной кооперативной системы. По какому-то роковому несчастію, поражающему впрочемъ всегда только тѣхъ, которые удалившись отъ насущной дѣйствительности, потеряли способность понимать движеніе ея, Маццини и Ледрю-Ролленъ объявили себя

приверженцами кооперативнаго соціализма, именно въ то время, когда всѣ живые люди, а главное, когда рабочія массы, отчаявшись въ немъ, стали видимо принимать другое, болѣе рѣшительное направленіе.

Въ настоящее время, Интернаціональная ассоціація рабочихъ, едва успѣвшая основать, годъ тому назадъ, въ Неаполѣ, свой первый отдѣлъ, начинаетъ уже распространяться по цѣлой Италіи и никакія противодѣйствія правительства, либераловъ и радикаловъ не въ силахъ остановить неотразимо-поступательнаго движенія ея. Ну, а программа Интернаціональнаго общества всѣмъ извѣстна.

Въ Испаніи происходитъ тоже, что и въ Италіи, только еще энергичнѣе и быстрѣе. Послѣдняя революція открыла глаза испанскимъ работникамъ. Горькій вчерашній опытъ доказалъ имъ, что они не должны разсчитывать на политическихъ республиканцевъ, централистовъ или даже федералистовъ. Въ Испаніи, а преимущественно въ Каталоніи и въ Аналузіи существовало, еще до революціи, нѣсколько кооперативныхъ обществъ, основанныхъ буржуазными демократами и соціалистами изъ школы Гваридо и Пія Маргаломъ.

— Все это топится теперь въ широкихъ волнахъ интернаціонально-соціалистической пропаганды. Испанія готовится къ революціи Соціальной.

И такъ, мирный, буржуазный кооперативный соціализмъ вездѣ осужденъ, вездѣ уничтоженъ. Опытъ доказалъ его неосуществимость. Еще прежде, теорія доказала его невозможность.

Серьезные экономисты двухъ противоположныхъ школъ: школы либеральной и школы коммунистовъ научныхъ, разнящіеся между собою во всѣхъ другихъ пунктахъ и соглашаясь только въ одномъ, высказали ужъ давно одинаковое убѣжденіе, основанное на наукѣ дѣйствительной, т. е. на самомъ строгомъ изученіи движенія, развитія экономическихъ фактовъ, — убѣжденіе что при настоящей организаціи общественной экономіи и производства товаровъ, и при необходимо вытекающемъ изъ нея умноженіи, преобладаніи и сосредоточеніи капитала, никакія усилія рабочихъ ассоціацій не въ силахъ освободить работу изъ подъ гнета послѣдняго: что рабочіе банки, питающіеся только паскудными и большею частію просто невозможными сбереже-

ніями рабочаго люда, никогда не будутъ въ состояніи выдержать конкуренціи могучихъ, всесвѣтныхъ буржуазно-олигархическихъ банковъ; что при постоянномъ умноженіи рабочихъ рукъ и голодныхъ желудковъ, умноженіи развивающемся еще быстрѣе вслѣдствіе сосредоточенія капиталовъ все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ рукъ, и неизбѣжно вытекающаго изъ него обращенія въ пролетаріатъ низшаго и даже чисто средняго буржуазнаго класса, — работники, для того чтобъ избѣгнуть голодной смерти, должны непремѣнно все болѣе и болѣе дѣлать конкуренцію другъ другу, конкуренцію до нельзя, т. е. до самой низшей степени стоимости человѣческаго содержанія и пропитанія; и что, по этому, всѣ рабочія общества для потребленія, уменьшая цѣну главныхъ предметовъ, необходимыхъ для жизни, должны имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ пониженіе рабочей платы, т. е. ухудшеніе положенія работниковъ. Что наконецъ, общества для производства возможны только въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя еще не захвачены большимъ капиталомъ, потому что никакое рабочее общество не въ силахъ кон-

курировать съ нимъ въ дѣловомъ производствѣ товаровъ. А такъ какъ большой капиталъ, по присущей въ немъ необходимости, стремится непремѣннымъ образомъ къ прибранію всѣхъ отраслей промышленности безъ единаго исключенія въ свои руки, сюдьба производительныхъ артелей будетъ также, что и судьба маленькой и средней буржуазіи — общее, неотвратимое нищенство и рабское подчиненіе буржуазно-олигархическому капиталу и поглощеніе всякой средней и маленькой собственности въ большой собственности нѣсколькихъ сотенъ счастливыхъ людей въ цѣлой Европѣ.

Соединяясь въ признаніи этого неопровержимаго факта, экономисты и коммунисты разнятся только, и самымъ существеннымъ образомъ, въ своихъ заключеніяхъ.

Экономисты пришли къ заключенію такому, что народныя массы, милліоны чернорабочаго люда обречены законом**ъ** естественнымъ и неотвратимымъ на вѣчное нищенство, невѣжество, рабство, и что только самому малому количеству работниковъ, можетъ быть одному изъ десяти тысячъ, позволено надѣять-

ся, силою генія, чрезвычайно энергическаго характера, и съ помощью счастливыхъ обстоятельствъ, вынырнуть изъ многомилліонной массы эксплуатируемыхъ рабовъ и занять мѣсто въ малочисленномъ обществѣ эксплуатирующихъ господъ. — Милліонъ же несчастныхъ людей, обреченныхъ, желѣзнымъ закономъ природы, на жизнь мало отличающуюся отъ существованія скотовъ, они въ видѣ утѣшенія возлагаютъ надежду на бога и на загробную жизнь, въ которую сами не вѣрятъ.

Коммунисты, также какъ и экономисты, признаютъ вполнѣ существующій фактъ; соглашаются съ экономистами также и въ томъ, что пока будетъ существовать настоящій общественный порядокъ, основанный главнымъ образомъ на личной собственности, никакая сила и никакія усилія не будутъ въ состояніи измѣнить этого факта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они отнюдь не измѣняютъ желѣзнаго естественнаго закона открытаго и проповѣдуемаго экономистами, или признаютъ его, пожалуй, для прошлаго, но отнюдь не для будущаго и даже не для настоящаго времени. Они знаютъ, что человѣческій родъ историческимъ развитіемъ своимъ, отправившись отъ скотовъ

— стремится неуклонно къ осуществленію человѣчества на землѣ. Что прежде люди поѣдали другъ друга какъ звѣри; потомъ кто становился поумнѣе и посильнѣе, началъ превращать людей въ рабовъ; рабы превратились потомъ въ крѣпостныхъ, а крѣпостные въ вольно рабочихъ рабовъ; — и что наконецъ нынѣ, самою исторіею поставлена намъ огромная и святая задача обращенія милліоновъ чернорабочихъ людей — въ общество человѣческое, свободное и равноправное. Но такъ какъ это послѣнее преобразованіе, при настоящемъ экономическомъ и политическомъ порядкѣ, дѣйствительно невозможно, они заключаютъ, что надо сломать, уничтожить этотъ порядокъ и замѣнить его новымъ, въ которомъ свободная равноправность людей будетъ не только возможна, но даже необходима.

Какую же роль играютъ буржуазные соціалисты между этими двумя партіями, равно серьезными и послѣдовательными? Роль надувателей или дураковъ, и часто и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Вотъ почему эта средняя партія, если можно еще назвать ее такою, утратила всякое значеніе такъ, что о ея отношеніи къ нынѣшнему русскому движенію и говорить

даже не стоитъ. — Къ совершенному уничтоженію ея наиболѣе способствовали интернаціональныя ассоціаціи работниковъ.

Интернаціональное общество не составляетъ собственно партіи. Оно больше чѣмъ партія, оно цѣлый міръ — міръ будущаго человѣчества.

Ничто не могло быть проще и, по наружному виду, скромнѣе его начала. Въ сентябрѣ 1864 г., собрался въ Лондонѣ митингъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ работниковъ для того, чтобъ протестовать противъ возмутительныхъ дѣйствій русскаго императора въ Польшѣ. По окончаніи протеста, нѣсколько гражданъ, и между ними въ особенности знаменитый германскій коммунистъ Карлъ Марксъ, одинъ изъ главнѣйшихъ основателей этого общества, предложили на обсужденіе митинга свою давнишнюю мысль: основанія огромной интернаціональной ассоціаціи для защиты правъ работы противъ капитала. Мысль была принята съ единодушнымъ восторгомъ. Митингъ избралъ коммиссію для составленія программы новаго общества.

Были предложены двѣ программы: одна знаменитымъ Маццини; другая Марксомъ.

Маццини представилъ свою старую, всѣмъ извѣстную программу: Богъ и народъ. Интернаціональная политическая революція, въ виду низверженія всѣхъ монархическихъ правительствъ и основанія федераціи европейскихъ республикъ — однимъ словомъ, ту самую программу, которую онъ преслѣдуетъ и нынѣ. Что же касается до вопроса соціальнаго, то Маццини, вѣрный своему началу, оттѣснилъ его, разумѣется, на задній планъ: улучшеніе матеріальнаго быта рабочихъ массъ должно было быть естественнымъ послѣдствіемъ политическаго переворота, установленія республики, широкаго народнаго воспитанія и демократическихъ законовъ.

Программа Маркса напротивъ, ни слова не говоритъ ни о богѣ, ни о революціи, ни о республикѣ. Богъ совершенно исключенъ изъ нея. Тамъ гдѣ дѣло идетъ о реальномъ освобожденіи людей, тамъ для бога не можетъ быть мѣста. Республика хотя и не упоминается въ этой программѣ, то за то вытекаетъ какъ необходимость изъ каждой строчки, не въ смыслѣ положительной политической формы, а въ смыслѣ отрицанія монархическаго и вообще всякаго сословнаго управле-

нія; и наконецъ не заикаясь даже ни однимъ словомъ о революціи, вся программа содержитъ въ себѣ самую полную и радикальную доселѣ невиданную и неслыханную соціально-политическую революцію.

Вотъ начала этой программы:

1) Освобожденіе работниковъ должно быть дѣломъ самихъ работниковъ.

2) Всѣ усилія работниковъ должны быть устремлены не на созданіе новыхъ привилегій, а на установленіе для всѣхъ людей безъ исключенія одинаковыхъ правъ и одинаковыхъ обязанностей.

3) Подчиненіе работника капиталу есть источникъ всякаго политическаго, нравственнаго и матеріальнаго рабства.

4) Всѣ усилія работниковъ оставались до сихъ поръ безплодными, только вслѣдствіе отсутствія солидарности между работниками всѣхъ странъ.

5) Освобожденіе работниковъ не есть дѣло мѣстное или національное, но существенно интернаціональное.

Вотъ и все. Что можетъ быть невиннѣе и проще? А между тѣмъ, кто не видитъ, что

эти простыя, неотразимыя истины, взятыя вмѣстѣ, заключаютъ въ себѣ полнѣйшее осужденіе и неминуемое разрушеніе всего настоящаго порядка: религіознаго, политическаго, семейно-патріархальнаго, юридическаго и соціально-экономическаго.

Пропрамма Маццини была отвергнута; пропрамма Маркса была принята, и на основаніи ея, собраніе делегатовъ англійскихъ, французскихъ, германскихъ, бельгійскихъ и швейцарскихъ, съѣхавшихся въ Лондонъ въ 1865 г., основали окончательно Интернаціональную Ассоціацію Работниковъ.

Вы видите, что въ цѣлой программѣ нѣтъ ни одного слова касающагося до политики.— Поставлено, правда, цѣлью уничтоженіе всякаго рабства, т. е. всякой политики, всякаго государства или, что все равно, всякаго преобладанія людей надъ людьми. — Но и тѣни мнѣнія не было о той или другой политической формѣ. Напротивъ, самое существованіе и дѣятельность Интернаціональной ассоціаціи поставлены рѣшительно и нарочно внѣ всѣхъ существовавшихъ и существующихъ партій на томъ основаніи, что всѣ, по цѣлому существу своему, опираясь одинаковымъ обра-

зомъ на правѣ собственности и на государственномъ правѣ, въ противоположность интересамъ работы и чернорабочаго люда, представляютъ только разные оттѣнки одной и той же буржуазно-эксплуататорской и реакціонной партіи.

Основатели этой громадной и благодѣтельной ассоціаціи, справедливо убѣжденные въ томъ, что экономическое рабство есть главный источникъ всѣхъ другихъ формъ порабощенія народа, нашли то, чего тщетно искалъ Архимедъ: точку опоры для поднятія и для низверженія всего историческаго, религіозно и государственно привиллегированнаго міра — нашли ее въ экономической борьбѣ, въ экономическомъ бунтѣ работы противъ капитала, человѣка противъ гражданина.

Отправляясь съ этой точки зрѣнія, основатели Интернаціональнаго общества положили, что будутъ приниматься въ него преимущественно зарабатывающія жизнь трудомъ лица, и рабочія ассоціаціи всякаго рода, не исключая разумѣется хлѣбопашцевъ; всѣ ассоціаціи мѣстныя и національныя, которыя изъявятъ желаніе могутъ вступить въ него, но не иначе какъ индивидуально и люди всѣхъ

другихъ сословій, съ двумя только условіями, одинаково обязательными для всѣхъ членовъ: 1) Полнѣйшей солидарности всѣхъ въ борьбѣ работы противъ капитала и 2) Безусловнаго признанія того начала: Что каждый работникъ имѣетъ право и долженъ требовать интегральнаго или всецѣлаго возмездія за свою работу.

И такъ, вступающаго въ Интернаціональное общество, не спрашиваютъ ни слова ни о его религіозныхъ, ни о его политическихъ убѣжденіяхъ. — Спрашиваютъ только: хочетъ ли онъ подчиниться всѣмъ условіямъ этой солидарности, и признаетъ ли, онъ со всѣми возможными послѣдствіями и примѣненіями его, это право? Если онъ отвѣчаетъ утвердительно на оба вопроса, и если прошедшая жизнь его, настоящее положеніе и характеръ его таковы, что внушаютъ довѣріе въ честность его слова, двери Интернаціональнаго общества открываются для него широко.

Инымъ, такая широта и легкость пріема могутъ показаться неосторожными. Кажется невозможнымъ, чтобы христіянинъ, сулящій

измученному работнику божественное возмездіе въ жизни загробной могъ бы искренно хлопотать о возмездіи земномъ, или чтобы человѣкъ, принадлежащій къ какой бы то либо политической партіи, сознательно или безсознательно, но непремѣнно стремящійся къ тому, чтобы руками народными вынимать изъ огня каштаны, не для народа, а для себя, чтобы онъ могъ хотѣть всецѣлаго освобожденія чернорабочаго люда. И въ самомъ дѣлѣ оно невозможно; христіанство, да и вообще какая бы-то ни была религія, какое бы то ни было отношеніе къ мечтамъ божественнымъ и загробнымъ, также какъ и всякое другое политическое стремленіе, кромѣ единаго стремленія къ разрушенію государства и государствованія на землѣ, рѣшительно несовмѣстимы съ стремленіемъ къ всецѣлостному освобожденію рабочихъ массъ. Но дѣло въ томъ, что вслѣдствіе общей неразвитости и отсутствія яснаго, полнаго, научнаго сознанія въ огромнѣйшемъ большинствѣ нынѣ живущихъ людей, эти два существенно противоположныя и другъ друга исключающія стремленія, безъ всякаго злостнаго обмана съ ихъ стороны, существуютъ вмѣстѣ.

Тутъ надо непремѣнно сдѣлать различіе между людьми принадлежащими къ образованному и привиллегированному міру, и между людьми принадлежащими къ чернорабочей массѣ. Первые большею частію прикованы къ лжи религіозной, метафизической, политической, юридической и соціально-экономической, прежде всего, своими интересами, а потомъ всѣмъ своимъ воспитаніемъ, предразсудками своей среды, существующей только благодаря эксплуатаціи народнаго труда, и наконецъ самимъ образованіемъ односторонним и ложнымъ, потому, что оно основано всецѣло на этой эксплуатаціи. Мы знаемъ, всѣ люди, безъ единаго исключенія, продукты своей среды; и надо много, много счастливыхъ обстоятельствъ и огромныхъ личныхъ усилій, чтобъ человѣку, родившемуся и проведшему полъ жизни въ средѣ привиллегированной, удалось вырваться совершенно изъ подъ пагубнаго вліянія ея условій.

Большинство такъ или иначе привиллегированныхъ лицъ составляютъ, можно сказать по неволѣ, партію реакціи. Для того чтобъ исправить ихъ и дать имъ возможность сдѣлаться людьми полезными и справедливыми,

надо разрушить въ корнѣ ихъ міръ, отнявъ у него всякую возможность дармоѣдствовать, паразитствовать, и управлять, т. е. эксплуатировать народныя массы въ свое удовольствіе и пользу.

Противоположное имъ, весьма ничтожное меньшинство, состоитъ изъ людей дѣйствительно и вполнѣ искреннихъ, которымъ удалось вырваться совершенно изъ подъ всѣхъ вліяній своего прежняго міра и отдаться вполнѣ дѣлу народнаго освобожденія. Но не смотря на всю несомнѣнную искренность ихъ новыхъ стремленій, этимъ людямъ нуженъ строгій присмотръ за собою, для того, чтобъ не впасть безсознательно, болѣе или менѣе, въ старыя заблужденія и въ прежнія эгоистическія, тщеславныя и честолюбивыя стремленія. Не легко отдѣлаться отъ старыхъ привычекъ! Старыя привычки умираютъ вполнѣ только тогда, когда умерло окончательно старое положеніе. Кто сколько нибудь смыслитъ человѣческую природу, тотъ не станетъ самонадѣянно расчитывать на свою личную волю, на свою личную силу; тотъ знаетъ, что никакія благородныя и великодушныя чувства и намѣренія не въ силахъ

устоять противъ желѣзнаго общественно-физіологическаго закона, по которому человѣкъ самый сильный, великодушный и умный есть продуктъ, есть рабъ своего положенія. И потому, кто хочетъ соблюсти свою личную, нравственно-общественную чистоту и искренность, тотъ долженъ прежде всего разбить въ своемъ положеніи все, что можетъ дать ему жизнь отдѣльную, чуждую, а потому и противную великому интересу всенароднаго освобожденія — долженъ разорвать до конца послѣднія узы: матеріальныя или экономическія, семейныя, общественныя и политическія, которыя, незамѣтнымъ для него самого образомъ, могутъ связать его и непремѣнно связываютъ его еще съ міромъ сословно-государственнымъ. — Люди имѣющіе достаточно силы, чтобы совершить такой подвигъ, становятся драгоцѣнными.

Между реакціоннымъ большинствомъ и немногочисленнымъ меньшинствомъ людей искренно и всецѣлостно преданныхъ дѣлу народнаго освобожденія, есть въ сословно-государственномъ мірѣ, цѣлая категорія людей, довольно значительная не по своему количеству, а по тому вредному вліянію, которое

она имѣла въ прошедшія времена на народныя массы, и которое даже и нынѣ, хотя и въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, становится иногда поперегъ соціально-революціонному движенію. Къ этой категоріи принадлежатъ именно всѣ тѣ лица, которыя умственно и сердечно отдались, съ большею или меньшею откровенностью, народному дѣлу, но которыя вмѣстѣ съ тѣмъ по своему общественному положенію, по матеріальнымъ и политическимъ выгодамъ этого положенія, по всѣмъ своимъ привычкамъ, общественнымъ и семейнымъ связямъ, принадлежатъ къ міру враждебному этому дѣлу. Эти люди самые несчастные и вмѣстѣ съ тѣмъ самые вредные. Обманывая въ одно и тоже время и народныя массы и самихъ себя, искренностью своихъ народолюбивыхъ стремленій, самые лучшіе между ними, повинуясь желѣзному закону, по которому положеніе всегда сильнѣе лица, съ словами народнаго блага и народнаго освобожденія на устахъ, большею частью, и нерѣдко разумѣется, сами того не подозрѣвая, служатъ дѣлу реакціи. Вотъ эти-то люди и наполняютъ ряды партій исключительно политическихъ республиканцевъ и буржуазныхъ

соціалистовъ, а также ряды партіи соціально-революціонной диктатуры, или соціально-революціоннаго государства, о которой мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Люди, принадлежащіе къ этой категоріи, вступая въ Интернаціональное общество, могутъ сдѣлаться дѣйствительно опасными для него. Они, какъ истинные демагоги, стремятся уничтожить существующія государства только для того, чтобы создать новую форму государственности, т е. владычества, если не въ пользу своихъ матеріальныхъ интересовъ, то непремѣнно ужь въ пользу своего честолюбія, тщеславія, удовлетвореніе котораго впрочемъ имѣло бы непремѣннымъ результатомъ и ихъ матеріальную выгоду. Они опасны потому, что могутъ увлечь народныя массы, потакая въ одно и тоже время опасной народной страсти и опасному народному предразсудку: страсти мщенія, заставляющей часто народъ искать, съ положительнымъ вредомъ для себя, удовлетворенія, освобожденія и спасенія въ повальномъ уничтоженіи лицъ, а не вещей и не порядковъ составляющихъ всю силу и производящихъ всю безнравственность лицъ государственно-сословнаго міра; и пред-

разсудку, который по несчастію еще глубоко коренится въ народныхъ массахъ, предубѣжденію въ пользу сильной государственной власти, разумѣется уже не сословной, а народной; какъ будто оффиціальная власть можетъ сдѣлаться когда нибудь дѣйствительно народною властью, и какъ будто она уже не есть сама по себѣ всенепремѣнный источникъ сословности и сословій!

По всѣмъ этимъ причинамъ, Интернаціональное общество, принимая въ свою среду и сословныхъ людей, относится къ нимъ гораздо строже, чѣмъ къ людямъ черной работы. Если чернорабочіе люди придерживаются какихъ бы то ни было вредныхъ религіозныхъ или политическихъ предразсудковъ, то уже разумѣется не въ силу своего интереса, а въ противность ему, въ противность всѣмъ своимъ натуральнымъ стремленіямъ къ улучшенію своего матеріальнаго быта. Они придерживаются ихъ по невѣжеству и по вытекающему изъ него несчастному традиціонному недоразумѣнію, заставляющему ихъ слишкомъ часто искать спасенія тамъ, гдѣ ихъ вѣрная гибель.

Народныя массы вырабатываютъ свои убѣ-

жденія, справедливыя или ложныя, не путемъ книжнаго образованія и сознательнаго мышленія, а медленнымъ и труднымъ путемъ историческаго опыта, путемъ историческихъ бѣдъ и страданій, вслѣдствіе чего народныя убѣжденія естественнымъ образомъ чрезвычайно упорны. Была бы большая ошибка со стороны людей искренно желающихъ освобожденія народнаго, еслибъ они открыли прямую войну противъ народныхъ предразсудковъ путемъ книжной или словесной свободо-мыслительной пропаганды. Такая пропаганда не можетъ имѣть ни малѣйшаго дѣйствія на народъ, можетъ развѣ только его раздразнить. Народъ мыслитъ фактами, а не словами — онъ большей частью презираетъ слова. Поэтому надо убѣждать его фактами, а не абстрактно-логическими заключеніями. Глупость народа не столько въ его головѣ, сколько въ его положеніи; поэтому надо дѣйствовать на его положеніе.

Основатели Интернаціональнаго общества поняли это превосходно. Еслибъ они выставили съ перваго раза антирелигіозное и антимонархическое знамя, огромное большинство работниковъ не пошло бы за ними. Имъ

удалось бы можетъ быть образовать секту, тогда какъ для достиженія цѣли, необходимо было сплотить всю чернорабочую массу въ Европѣ. Вотъ почему оставивъ на первое время, совершенно въ сторонѣ всѣ религіозные и политическіе вопросы, основатели общества выставили знамя, на которомъ были написаны только эти слова: „Борьба на жизнь и на смерть и до всецѣлаго торжества работы противъ капитала“.

Посмотримъ, какихъ же достигло оно результатовъ? Интернаціональная ассоціація работниковъ существуетъ всего только пять лѣтъ, и вокругъ ея знамени собралось уже болѣе двухъ милліоновъ, болѣе или менѣе организованныхъ людей, европейцевъ и американцевъ.

Въ одной Англіи, 800,000 работниковъ великолѣпнымъ образомъ организованныхъ и распредѣленныхъ между ремесленными союзами, вступили въ нынѣшнемъ году въ Интернаціональную ассоціацію.

Союзъ Національной Работы (National Labour Union) въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, считающій также 800,000 членовъ,

въ нынѣшнемъ же году объявилъ свою солидарность съ Интернаціональной оссоціаціею.

Не смотря на всѣ усилія Наполеона III и на всѣ гоненія, которымъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ подвергались со стороны правительствъ члены Интернаціональной ассоціаціи, принципъ ея и солидарность съ нею признаны огромнымъ большинствомъ французскихъ работниковъ, въ количествѣ ужъ никакъ не менѣе 800,000 людей (въ одномъ Парижѣ считается болѣе 100,000 отлично организированныхъ работниковъ, проникнутыхъ глубоко и сознательно соціально-революціоннымъ духомъ).

Въ Германіи и Австріи, Интернаціональная ассоціація встрѣчаетъ тѣ же самыя правительственно-политическія препятствія, что однако не помѣшало, вновь образовавшемуся рабочему обществу соціальныхъ демократовъ, имѣющему въ Германіи около 125,000, а въ Австріи около 100,000 членовъ, признать на своемъ первомъ конгрессѣ (въ Эйзенахѣ, въ Августѣ 1869 года) свою полнѣйшую солидарность съ Интернаціональнымъ обществомъ.

Въ Испаніи — тоже самое, только въ гораздо меньшими препятствіями со стороны

правительства. Одинъ федеративный рабочій союзъ, центръ котораго находится въ Барселонѣ, состоитъ почти изъ 125,000 членовъ. Въ Мадридѣ, но преимущественно во всей южной Испаніи рабочія ассоціаціи растутъ и умножаются съ неимовѣрною быстротою, и всѣ признаютъ себя членами Интернаціональнаго общества.

Въ маленькой Бельгіи считается болѣе 60,000 прямыхъ членовъ этого общества. Безсмысленныя и кровавыя преслѣдованія бельгійскаго либеральнаго правительства не только не могли остановить его истинно изумительнаго развитія, но напротивъ, усилили и ускорили его. Интернаціональная ассоціація въ Бельгіи превосходитъ нынѣ своею примѣрною организаціею рабочія общества всѣхъ другихъ странъ.

Въ Италіи, а преимущественно въ южной части ея организація рабочихъ обществъ, признающихъ себя членами Интернаціональной ассоціаціи, подвигается быстро. Правительство, занятое преслѣдованіемъ политическихъ ассоціацій, мало заботилось объ успѣхахъ Интернаціональнаго общества, но въ послѣднее время обратило также и противъ него свои

поощрительныя преслѣдованія, что даетъ право надѣяться, что оно станетъ распространяться отнынѣ еще быстрѣе. Не пройдетъ года и можно будетъ считать въ Италіи сто или двѣсти тысячъ членовъ Интернаціональной ассоціаціи работниковъ.

Въ Швейцаріи считается не много болѣе 10,000 членовъ этого общества. Этотъ можетъ показаться страннымъ. Но надо принять въ соображеніе, что Швейцарія страна небольшая, въ ней немного болѣе 2,600,000 жителей, — и къ тому-жъ она буржуазная республика. Ничто не дѣйствуетъ такъ развратительно на работниковъ, какъ буржуазная политическая свобода. Большинство швейцарскихъ работниковъ гордится еще своими мнимыми гражданскими правами, не замѣчая и не понимая того, что всѣ эти права сводятся на одно право; выбирать себѣ ежегодно изъ буржуазной среды новыхъ законодателей и управителей, т. е. новыхъ господъ-эксплуататоровъ. Однако и въ Швейцаріи Интернаціональное общество подвигается, хотя и медленнѣе чѣмъ въ другихъ, менѣе свободныхъ и не республиканскихъ сранахъ, но съ замѣтнымъ усиленіемъ и ускореніемъ успѣха.

Голландія только недавно вошла въ Интернаціональное движеніе. Значительныя цифры пропаганды и организаціи ея образовались уже въ Амстердамѣ, въ Ротердамѣ и въ Утрехтѣ.

„Остаются — говоритъ брошюра, изъ которой мы отчасти заимствовали эти данныя*), остаются еще не тронутыми Интернаціональною пропагандою только четыре страны: Швеція, Греція, Турція и Россія, что касается до трехъ первыхъ странъ, нѣтъ сомнѣнія, что она не замедлилъ проникнуть въ нихъ. Въ Россіи же ужъ давно совершается громадная, соціальная пропаганда; впрочемъ вся масса русскаго крестьянства имѣетъ сама собою соціальное направленіе.“

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ ясно, что черезъ годъ или два, Интернаціональное общество будетъ считать, въ Америкѣ и въ Европѣ, не два милліона, а три, четыре, пять и болѣе милліоновъ, совершенно преданныхъ и организованныхъ членовъ.

Могущество уже теперь истинно громадное, и создавшееся въ продолженіи только по-

*) Almanach de l'Internationale pour 1870. Liège, Alliance Typographique, rue sur Meuse, 8.

слѣднихъ пяти лѣтъ. Сначала правительства да и вся европейская буржуазія относилась къ Интернаціональной ассоціаціи съ презрѣніемъ и насмѣшкой; потомъ находя ее неудобной, они стали ее преслѣдовать всѣми возможными средствами, надѣясь ее запугать. Нынѣ они стали передъ ней трепетать, убѣдившись, что ее ни побѣдить, ни убить невозможно.

Въ доказательство приведемъ замѣчательное признаніе лондонскаго журнала „Times“, значительнышаго печатнаго представителя англійской и можно сказать всесвѣтной буржуазной олигархіи:

„Мы признаемся, что мы долго смѣялись надъ этою странною ассоціаціею. И кто бы могъ подумать, тому назадъ четыре года, что она будетъ призвана играть такую роль въ мірѣ, кто бы могъ угадать ея будущее значеніе, ея быстрые и неимовѣрные успѣхи? Чтобъ найти въ исторіи подобіе такой громадной и грозной организаціи, такой могучей и широкой пропаганды, пріобрѣтающей не тысячи а милліоны прозелитовъ, надо возвратиться къ первымъ временамъ христіанства!“

Какимъ же образомъ Интернаціональное общество достигло такого огромнаго, такого изумительнаго результата? Единственно путемъ практической пропаганды, сначало, только во имя экономическаго освобожденія работниковъ. Они нашли несомнѣнную, неизмѣнную и во всѣхъ странахъ одинаково твердую точку опоры для этой пропаганды, въ естественномъ стремленіи всѣхъ работниковъ, безъ единаго исключенія, улучшить по возможности свою несчастную долю, и въ столь же естественной ненависти каждаго работника къ своему хозяину, представляющему собой несносный деспотизмъ эксплуатирующаго капитала. Къ тому-жъ Интернаціональное общество, въ самомъ началѣ своего основанія, нашло уже подготовленную почву.

Въ странахъ великопромышленныхъ, а именно въ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи и въ Германіи, со времени введенія, усовершенствованныхъ машинъ и примѣненія паровой силы къ промышленности, со времени основанія велико-капитальнаго-фабричнаго производства, торговые кризисы сдѣлались неизбѣжнымъ, періодически повторяющимся и все болѣе и

болѣе учащающимся явленіемъ. Тамъ, гдѣ наиболѣе процвѣтала промышленность, работникамъ стала угрожать періодически голодная смерть. Это породило самымъ естественнымъ образомъ рабочіе кризисы, рабочее движеніе, рабочія стачки, сначала въ Англіи (въ двадцатыхъ годахъ), потомъ во Франціи (въ тридцатыхъ годахъ), и наконецъ въ Германіи и въ Бельгіи (въ сороковыхъ годахъ).

Общая бѣда и общія причины бѣды создали въ этихъ странахъ могучія ассоціаціи, сначала только мѣстныя, для взаимной помощи, для взаимной защиты, для общей борьбы. Въ годъ основанія Интернаціональнаго общества, Англія, Франція, Германія и Бельгія были уже совершенно покрыты подобными ассоціаціями. Кромѣ того, Интернаціональное общество нашло драгоцѣнныхъ помощниковъ въ остаткахъ старыхъ коммунистическихъ обществъ: въ Англіи — школы Овена; во Франціи и Бельгіи — школы Буонарроти и Кабета; въ Германіи — школы Маркса, Енгельса, Филиппа Бекера, и наконецъ въ Швейцаріи — въ обществахъ, состоявшихъ почти исключительно не изъ швейцарскихъ гражданъ, а изъ французскихъ и нѣмецкихъ работниковъ, встрѣ-

тились представители всѣхъ этихъ школъ кромѣ Овенской. Правда, что большая часть коммунистическихъ обществъ была разбита реакціонною бурею, поднявшеюся вездѣ за побѣжденною революціею 1848 года. — Десяти тысячъ французскихъ соціалистовъ, какъ ихъ называли въ то время, были сосланы въ Алжирію и въ Кайену. Англійскіе соціалисты Шартисты и Овенисты, равно, какъ и германскіе коммунисты, бѣжали отъ преслѣдованій и отъ голода, эмигрировали массами въ Соединенные Штаты Америки, куда перенесли свою горячую и плодоносную пропаганду. Но все таки въ Европѣ осталось достаточно представителей старыхъ соціальныхъ школъ, чтобъ помочь Интернаціональному дѣлу. Эти оставшіеся сдѣлались піонерами, апостолами и главными основателями и распространителями Интернаціональнаго общества въ цѣлой Европѣ.

Съ такою готовою почвою и съ такими славными работниками для оплодотворенія ея, дѣло Интернаціональной пропаганды пошло быстро. Ей оставалось объяснить работникамъ выше упомянутыхъ странъ, одинаково жаждавшимъ и уже сознательно искавшимъ освобожденія, во первыхъ: что для достиже-

нія ихъ цѣли мало мѣстной, мало даже національной ассоціаціи, и что необходима Солидарность Интернаціональная; а во вторыхъ: что для достиженія хоть малѣйшаго, дѣйствительнаго облегченія своей участи, они должны искать не облегченія, а всецѣлостнаго освобожденія изъ подъ ига капитала.

Необходимость Интернаціональной Солидарности, доказывается работникамъ, помимо всѣхъ научныхъ выводовъ и доводовъ ежедневными фактами ихъ собственной жизни

Что дѣлали фабриканты при каждой новой стачкѣ рабочихъ, имѣвшей цѣлью или увеличеніе заработной платы или уменьшеніе часовъ работы? Они вызывали новыхъ работниковъ изъ странъ, гдѣ чернорабочій народъ, еще болѣе задавленный, привыкъ за меньшую плату работать больше. Что дѣлать въ такомъ случаѣ работникамъ прекратившимъ работу? Гнать новоприбывшихъ работниковъ, никому не дозволять работать? Работники не рѣдко прибѣгали и прибѣгаютъ къ этому средству, въ высшей степени (въ человѣческомъ, — а не въ юридическомъ и не въ политическомъ смыслѣ этого слова), закон-

ному. Но рѣдко удается оно: правительства, подъ предлогомъ защиты свободы работы (т. е. свободы для фабрикантовъ эксплуатировать безсовѣстно и безнаказанно работу бѣдныхъ людей), всегда берутъ сторону фабрикантовъ, и вооруженные всею громадною государственною силою, съ которою никакая мѣстная организація работниковъ бороться не въ состояніи, оказываютъ свое покровительство вновь прибывшимъ работникамъ; и тѣмъ самымъ заставляютъ другихъ возвратиться къ покинутой ими работѣ.

Поэтому остается только одно средство: распространить рабочую пропаганду и солидарность такъ широко и такъ далеко, чтобъ фабрикантамъ неоткуда было брать новыхъ работниковъ, и чтобы никакіе иностранные работники не соглашались болѣе брать на себя работу оставленную работниками мѣстными т. е. надо основать Интернаціональную солидарность, Интернаціональное общество.

Выше было сказано нами, что при настоящемъ экономическомъ устройствѣ, вслѣдствіе постояннаго умноженія рабочихъ рукъ и голодныхъ желудковъ, заработная плата существеннымъ образомъ опредѣляется стоимостью

предметовъ необходимыхъ для скудной жизни работника. — Но это предѣлъ, къ которому заработная плата постоянно приближается, иногда падая даже ниже его, но не на долго; иногда же возвышаясь надъ нимъ, но никогда слишкомъ много. Когда заработная плата падаетъ ниже предѣла, происходитъ нужда, голодъ, болѣзни, смерть; когда же она возвышается надъ предѣломъ, происходитъ кратковременное и разумѣется только относительное довольство, которое имѣетъ непремѣннымъ послѣдствіемъ увеличеніе числа охотниковъ заняться выгодною работою, а слѣдовательно и необходимое пониженіе заработной платы.

Періодическія измѣненія заработной платы опредѣляются, какъ извѣстно, запросомъ производимаго товара и конкуренціею производителей его, заставляющею каждаго понижать на него цѣны до послѣдней возможности. Извѣстно, что цѣна товара опредѣляется главнымъ образомъ заработною платою, такъ что всѣ производители-фабриканты должны стараться платить какъ можно менѣе своимъ работникамъ именно для того, чтобъ быть въ состояніи, съ выгодою для себя, предложить свой товаръ за самую дешевую цѣну.

Но фабрикантъ который, благодаря скудной платѣ получаемой его работникомъ, продаетъ свой товаръ дешевле другихъ, заставляетъ тѣмъ самымъ и другихъ фабрикантовъ продавать также и ихъ товаръ за ту же самую цѣну — заставляетъ ихъ понизить заработную плату. Поэтому пониженіе заработной платы въ одной странѣ, имѣетъ непремѣннымъ послѣдствіемъ пониженіе ея и во всѣхъ другихъ странахъ — изъ чего ясно слѣдуетъ, что работники получающіе самую нисшую заработную плату должны желать и стремиться къ тому, чтобы работники всѣхъ другихъ странъ и мѣстностей получали и требовали для себя одинаково высшей платы за каждый часъ работы и равномѣрнаго уменьшенія часовъ работы. Но это не можетъ быть достигнуто иначе какъ Интернаціональною солидарностью, т. е. организаціею и строго дисциплинированнымъ, по всюду одинаковымъ дѣйствіемъ Интернаціональной ассоціаціи работниковъ.

Не трудно было объяснить работникамъ эти простыя истины, къ тому же столь близкія, столь непосредственно связанныя съ ихъ ежедневной бѣдой. — Во всѣхъ странахъ,

между многомилліонной массой чернорабочихъ людей есть слой работниковъ болѣе развитыхъ, болѣе грамотныхъ и составляющихъ поэтому самому, въ средѣ рабочаго люда, родъ аристократіи. Эта рабочая аристократія раздѣляется на двѣ категоріи, изъ которыхъ одна чрезвычайно полезна, другая чрезвычайно вредна.

Начнемъ съ вредной. Она состоитъ преимущественно и почти исключительно не изъ фабричныхъ работниковъ, а изъ ремесленниковъ. Извѣстно, что положеніе ремесленниковъ въ Европѣ, хотя и весьма незавидно, все таки несравненно лучше положенія фабричныхъ работниковъ. Ремесленники эксплуатируемы не большими, а маленькими капиталами, которые далеко не имѣютъ этой силы утѣсненія и униженія работниковъ, которую проявляютъ въ промышленномъ мірѣ огромные фабричные капиталы. Ремесленный міръ, міръ рукодѣльной а не машинной работы — остатокъ средневѣковаго экономическаго устройства. Онъ затирается все болѣе и болѣе подъ неотвратимымъ и неотразимымъ напоромъ великокапитальнаго фабричнаго производства, стремящагося естественнымъ обра-

зомъ къ овладѣнію всѣми отраслями промышленности. Но тамъ, гдѣ онъ еще существуетъ, работникамъ живется лучше; отношенія между не слишкомъ богатыми хозяевами, которые большею частію сами вышли изъ рабочаго класса и ихъ работниками ближе, проще, патріархальнѣе, чѣмъ въ мірѣ фабричномъ. Между ремесленниками поэтому множество полу-буржуа, по всѣмъ привычкамъ, убѣжденіямъ своимъ, надѣющихся и стремящихся, сознательно или безсознательно, сдѣлаться буржуа совершенными.

Но самыя ремесла раздѣляются на двѣ или даже на три категоріи. Самая многочисленная и наименѣе аристократическая, т. е. наименѣе счасливая изъ нихъ — разумѣется въ буржуазномъ смыслѣ этого слова — обнимаетъ всѣ черныя или грубыя ремесла, кузнечество напр., требующія примѣненія значительной физической силы. Работники, принадлежащіе къ этой категоріи, по цѣлому характеру своего направленія и своихъ убѣжденій, стоятъ ближе всѣхъ другихъ къ фабричнымъ работникамъ. Въ средѣ ихъ хранятся и развиваются драгоцѣнные революціонные инстинкты и нерѣдко встрѣчаются

люди способные обнять во всей ихъ широтѣ и послѣдовательности всѣ міровыя условія освобожденія работниковъ. Есть средняя категорія, заключающая въ себѣ столяровъ, типографщиковъ, портныхъ, сапожниковъ и много другихъ подобныхъ ремеслъ, требующихъ уже нѣкоторую долю образованности и спеціальнаго знанія, или по крайней мѣрѣ, меньшей траты физической силы, и оставляющихъ поэтому больше времени на размышленіе. Въ этой средѣ довольства сравнительно больше, а потому и больше буржуазнаго самодовольствія. Революціонные инстинкты въ ней уже гораздо слабѣе, чѣмъ въ первой, совершенно чернорабочей категоріи. Но за то встрѣчается въ ней уже гораздо большее количество людей размышляющихъ и разсуждающихъ, иногда вкривь и вкось, больше людей сознательно убѣжденныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и больше резонеровъ, становящихся отъ празднаго многоглаголанія неспособными къ горячему дѣлу, а иногда даже, подъ вліяніемъ тщеславія и личныхъ разсчетовъ, и противному ему.

Наконецъ есть третья категорія ремеслъ, производящихъ предметы роскоши и потому

связанныхъ самимъ интересомъ своимъ съ существованіемъ и съ сохраненіемъ богатаго буржуазнаго міра. — Большинство работниковъ, принадлежащихъ къ этой средѣ уже не на половину, а на три четверти и пожалуй болѣе чѣмъ на три четверти проникнуты буржуазными страстями, буржуазнымъ чванствомъ и буржуазными предразсудками. Къ счастію они составляютъ въ массѣ рабочихъ только весьма незначительное меньшинство. Но тамъ, гдѣ они преобладаютъ, Интернаціональная пропаганда подвигается очень медленно и нерѣдко принимаетъ явно антисоціальное, чисто буржуазное направленіе. — Въ этой средѣ особенно преобладаетъ стремленіе къ исключительно-личному счастію, стремленіе къ личному, т. е. совершенно буржуазному возвышенію, а не къ коллективно-рабочему освобожденію и счастью.

Въ этой средѣ заработная плата несравненно выше: а вмѣстѣ съ тѣмъ работа умнѣе, легче, чище, благороднѣе, чѣмъ въ первыхъ двухъ категоріяхъ, поэтому у работниковъ болѣе довольства, болѣе грошевой образованности, самоувѣренности и тщеславія. Они становятся соціалистами только во времена торго-

ваго кризиса, когда паденіе заработной платы напоминаетъ имъ, что они не буржуа, а поденщики.

Попятно, что въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, когда мирная, кооперативная система находилась еще въ полномъ цвѣту своихъ грезъ и несбывшихся ожиданій — буржуазный соціализмъ нашелъ свою главную почву не въ фабричномъ, а въ ремесленномъ мірѣ, и преимущественно въ двухъ послѣднихъ категоріяхъ этого міра, — наиболѣе привиллегированныхъ и наиболѣе близкихъ къ буржуазному міру. Повсемѣстная неудача кооперативной системы было благодѣтельнымъ урокомъ для вредной рабочей аристократіи.

Но въ многомилліонной массѣ рабочихъ существуетъ аристократія другая въ высшей степени полезная и благодѣтельная: аристократія не положенія, а убѣжденія, революціоннаго сознанія и разумной, энергической страсти и воли. Работники, принадлежащіе къ этому разряду, отъявленные враги всякой аристократіи и всякой привиллегіи: дворянской, буржуазной и даже рабочей, могутъ быть названы аристократами только въ са-

момъ буквальномъ или первоначальномъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ лучшихъ людей. И въ самомъ дѣлѣ, они лучшіе люди, не только въ классѣ рабочемъ, но въ цѣломъ обществѣ. Они соединяютъ въ себѣ, въ своемъ пониманіи соціальнаго вопроса, всѣ преимущества свободной и самостоятельной мысли и сознанія научнаго со всею искренностью самого народнаго инстинкта. Имъ бы не стоило ничего возвыситься надъ своимъ собственнымъ классомъ, сдѣлаться членами касты буржуазной; изъ партіи темной массы эксплуатируемаго и порабощеннаго народа перейти въ ряды счастливыхъ господъ эксплуататоровъ, они не хотятъ; они проникнуты солидарною страстью и не понимаютъ свободы и счастья иначе, какъ вмѣстѣ со всѣми милліонами порабощенныхъ человѣческихъ братій. Такіе люди, естественнымъ образомъ и сами того не ища, пользуются огромнымъ обаятельнымъ вліяніемъ на массы работниковъ. Присоедините къ этому разряду работниковъ, разрядъ дѣятелей изъ буржуазнаго класса, вполнѣ оторвавшихся отъ него и всецѣло отдавшихся великому дѣлу освобожденія пролетаріата, и вы получите то, что мы назы-

ваемъ полезною и благодѣтельною аристократіею въ интернаціональномъ рабочемъ движеніи.

Объ аристократіи встрѣтились на первомъ Интернаціональномъ конгрессѣ работниковъ въ Женевѣ, въ сентябрѣ 1866 года. На этомъ конгрессѣ обнаружились четыре главныя направленія — которыя должны были непремѣнно столкнуться и которые своею трехъ-лѣтнею борьбою — отъ сентября 1866 до сентября 1869 года — борьбою безпрестанно вновь провѣряемою и исправляемою тяжелымъ ежедневнымъ опытомъ работниковъ во всѣхъ странахъ міра — должны были наконецъ слиться въ одной общей программѣ, выражающей уже не отвлеченныя теоріи, а насущныя требованія и послѣднюю цѣль рабочаго міра.

Первое и можно сказать преобладавшее направленіе на Женевскомъ конгрессѣ, было буржуазно-кооперативное съ примѣстью узкаго буржуазнаго радикализма, представителями котораго главнымъ образомъ были разумѣется женевскіе республиканцы.

Въ 1866 году еще многіе вѣрили въ возможность успѣховъ кооперативной системы

даже при настоящемъ устройствѣ общества. Не только швейцары, нѣмцы и французы, но даже и англичане ожидали чудесъ отъ этой системы, въ которой они видѣли главное и чуть ли не единственное средство къ окончательному освобожденію работника изъ подъ власти капитала. Опытъ не успѣлъ еще доказать имъ въ 1866 году абсолютную невозможность не только полнаго освобожденія, но даже серьезнаго облегченія участи работниковъ, пока не будетъ разрѣшены до конца государственно-экономическія условія общественнаго неравенства.

Второе направленіе гораздо болѣе практическое, гораздо болѣе соотвѣтствовавшее самой цѣли Интернаціональной ассоціаціи, было представлено англичанами. Они требовали организаціи практической, т. е. дѣятельной солидарности работниковъ всѣхъ странъ въ ежедневной борьбѣ работы противъ капитала, борьбѣ проявляющейся въ рабочихъ стачкахъ и имѣющей цѣлію или возвышеніе заработной платы или уменьшеніе часовъ работы. — Это предложеніе, не смотря на всеобъемлующую и прямо къ цѣли ведущую практичность свою, не

встрѣтило большой симпатіи на Женевскомъ конгрессѣ. Буржуазные соціалисты, — кооператоры, соціалисты школы Прудона, и даже немногіе коммунисты въ немъ участвовали. — Коммунисты, разумѣется, старой, болѣе утопической, чѣмъ научно-опытной и практически-жизненной школы — всѣ эти представители соціальныхъ теорій, выработанныхъ внѣ жизни народа, отнеслись къ предложенію англійскихъ делегатовъ съ полу-презрѣніемъ; они и приняли его какъ бы не хотя для того только, чтобъ не оскорбить англичанъ. Оно показалось имъ узкимъ выраженіемъ, узкой и недальновидной практики англійскаго рабочаго движенія, стремляющагося только къ незначительному и черезъ чуръ скромному облегченію участи пролетаріата, а не къ всецѣлому освобожденію его.

Нѣтъ сомнѣнія, что англичане всѣхъ классовъ, нисколько не исключая работниковъ, особенно отличаются своею теоретическою узкостью (это ихъ существенный національный недостатокъ, опредѣляющій ихъ противоположность французамъ). Англичане равнодушны къ общимъ теоріямъ, а отвлеченные логическіе выводы производятъ на нихъ весьма

слабое впечатлѣніе. Но за то они понимаютъ лучше другихъ логику насущныхъ фактовъ и всѣ настоящія условія предпринятаго ими дѣла. Они узнаютъ эти условія не прежде дѣла, по указанію какой нибудь теоріи, но на самомъ опытѣ, по мѣрѣ того какъ дѣло подвигается впередъ и движеніемъ своимъ сталкиваетъ ихъ съ препятствіями безъ уничтоженія которыхъ продолженіе его становится невозможнымъ. Англичанинъ не вѣритъ въ эту невозможность, и даже не знаетъ о ней, пока онъ не встрѣтится съ нею лицемъ къ лицу на самомъ опытѣ. Но разъ убѣдившись такимъ образомъ въ существованіи препятствія, онъ незадумавшись, ломаетъ его — англійскій работникъ поэтому самый послѣдовательный и безпощадный революціонеръ, самъ того не желая и даже не зная. Онъ и теперь еще далеко не знаетъ всѣхъ результатовъ, до которыхъ его доведетъ неотразимая логика его практическихъ требованій.

Слѣдуя своимъ обычнымъ, обыденнымъ, экспериментальнымъ путемъ, англійскіе работники создали громадную и грозную организацію, существующую подъ именемъ ремеслен-

ныхъ союзовъ (Trades-Unions) и считающую въ настоящее время болѣе 800,000 членовъ; организація эта, ставшая нынѣ оффиціально признанною силою, не имѣла долго другой цѣли, кромѣ войны противъ капитала посредствомъ стачекъ организованныхъ въ цѣлой Великобританіи. — Поддерживая ежедневно на всей поверхности Англіи борьбу только за повышеніе заработной платы или противъ пониженія ея, и за уменьшеніе часовъ работы или противъ увеличенія ихъ — борьбу противъ введенія машинъ и вообще противъ всякаго ухудшенія доли работника въ пользу всякаго улучшенія ея, ремесленные союзы, не задаваясь никакою другою мыслью и не преслѣдуя никакой другой цѣли, сами того не зная и не ожидая, создали коллективное и строго организованное могущество пролетаріата.

Это новое могущество должно было прійти рано или поздно къ самосознанію, пробужденіе его въ англійской народной массѣ требовало много годовъ. Массы мыслящія только испытанными и пережитыми ими фактами, а не отвлеченными познаніями, развиваются очень медленно, особенно въ Англіи, гдѣ вся-

кая новая мысль, даже когда эта мысль есть ничто иное, какъ выраженіе въ очію всѣхъ совершившихся фактовъ — другой мысли никакая англійская публика не понимаетъ — принимается народомъ съ чрезвычайною трудностью. Но за то, когда она проломитъ себѣ входъ въ англійскія головы, когда она сломитъ въ нихъ противодѣйствующую ей силу исторической и предразсудочной закоснѣлости, и сдѣлается въ нихъ убѣжденіемъ, тогда она уже немедленно превращается въ упорную, необходимую, практически дѣйствующую силу.

Такъ стало наконецъ англійскимъ работникамъ ясно, что при существующихъ законахъ и пока Великобританія будетъ управляема аристократіею и буржуазіею, всѣ попытки ихъ къ улучшенію своей доли останутся тщетными, вслѣдствіе чего они создали въ 1866 году, громадную лигу въ пользу парламентской реформы: „рабочій парламентъ и рабочее государство“ — вотъ лозунгъ, во имя котораго агитируется нынѣ весь англійскій пролетаріатъ.

Теперь эта мысль, эта цѣль овладѣла англійскими работниками, и никакая сила не въ состояніи вырвать ее изъ ихъ головъ, пока

они не осуществятъ ее. И они непремѣнно ее осуществятъ, только тогда они одержатъ полную побѣду, и когда на развалинахъ побѣжденнаго и разрушеннаго буржуазно-аристократическаго государства, они попробуютъ основать государство рабочее — только тогда, рядомъ новыхъ опытовъ, они прійдутъ къ убѣжденію, что настоящее рабочее или народное государство — есть уничтоженіе всякаго государства. Но до тѣхъ поръ вы никакими логическими доводами не убѣдите ихъ въ этомъ.

Мы еще возвратимся къ этому вопросу, когда будемъ говорить о соціально-революціонныхъ партіяхъ нынѣ дѣйствующихъ въ Европѣ.

Точно тѣмъ же, исключительно экспериментальнымъ путемъ, англійскіе работники дошли въ самое послѣднее время до другаго убѣжденія, по нашему мнѣнію гораздо болѣе справедливаго и важнаго, а именно что земля, вся земля должна быть коллективною собственностью народа, и прибавляютъ они, въ чемъ мы съ ними отнюдь не согласны, должна находиться въ направленіи и въ распоряженіи государства. Для достиженія этой

цѣли, впрочемъ непосредственно связанной съ цѣлью основанія рабочаго государства, они создали въ прошедшемъ году новую лигу подъ названіемъ: Поземельной и рабочей лиги (Land and Lobour League). Вы можете быть увѣрены, что они рано или поздно, и скорѣе рано, чѣмъ поздно, достигнутъ также и этой цѣли. Самая медленность развитія движеній англійскихъ работниковъ, есть вѣрный залогъ непобѣдимой крѣпости и неотвратимо разрушительной силы этихъ движеній.

Тѣмъ же самымъ путемъ въ самое послѣднее время англійскіе работники успѣли наконецъ побѣдить въ себѣ предубѣжденіе и узкое національное чувство ненависти противъ ирландцевъ; они пришли къ убѣжденію необходимости признать права ирландскаго народа — этого соціалиста по природѣ, какъ нашъ русскій народъ — и заключить вѣчный союзъ съ феніанами.

Тѣмъ же самымъ путемъ, еще раньше, начиная съ 1867 года, ремесленные союзы стали сознавать необходимость практической солидарности съ работниками американскаго и европейскаго континентовъ.

Они пришли къ такому сознанію не на основаніи какихъ нибудь общихъ теорій и не подъ вліяніемъ великодушнаго, но большею частью несостоятельнаго чувства всеобщаго братства, которое такъ сильно дѣйствуетъ на французовъ, но силою испытанной или практической необходимости. Въ доказательство приводимъ отрывокъ изъ отчета о Женевскомъ конгрессѣ *).

„Англійскіе делегаты развили слѣдующую мысль: необходимо чтобъ работники всѣхъ странъ согласились и соединились для общаго сопротивленія хозяевамъ (patrons). Въ Англіи, во время рабочихъ стачекъ, нерѣдко случалось, что хозяева торжествовали надъ сопротивленіемъ работниковъ именно тѣмъ, что выписывали съ континента работниковъ иностранныхъ, соглашавшихся работать за низшую плату, и становившихся такимъ образомъ орудіями эксплуатаціи противъ англійскихъ работниковъ. Они приводятъ нѣсколько фактовъ, между прочимъ, примѣръ одной стачки въ 1859 году, въ которой принимали участіе

*) Congrès ouvrier de l'Association Internationale des travailleurs, tenu à Genève du 3 au 8 septembre 1866. — Genève. — Imprimerie Ducommun, p. 14—15.

нѣсколько тысячъ англійскихъ работниковъ. Эти работники, послѣ тридцатинедѣльнаго сопротивленія, были наконецъ побѣждены такою конкуренціею. Общее согласіе къ этому необходимо. — Англійскія рабочія общества (ремесленные союзы) — готовы принесть самыя огромныя жертвы для того, чтобъ достигнуть этой цѣли. Они предлагаютъ, чтобъ рабочіе общества всѣхъ странъ были въ постоянномъ сообщеніи другъ съ другомъ, чтобы посредствомъ статистическихъ изысканій было опредѣлено экономическое положеніе работы въ каждой странѣ, и чтобы установлена была между всѣми крѣпкая связь, которая позволила бы устроить одновременно повсюду стачки огромныя и необходимыя".

„Французскіе и швейцарскіе делегаты не противятся принятію предложенія англійскихъ делегатовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они говорятъ, что не въ стачкахъ надо искать разрѣшенія соціальнаго вопроса; что цѣль Интернаціональной ассоціаціи есть уничтоженіе поденной заработной платы (salariat) и что эта цѣль можетъ быть достигнута только посредствомъ ассоціаціи, и въ особенности ассоціаціи кооперативной."

А между тѣмъ англичане были кругомъ правы. Въ 1866 году, когда почти всѣ другія члены конгресса, пороли буржуазно-соціалистическую горячку, они предложили единственный способъ, который можетъ дѣйствительнымъ образомъ, на самой практикѣ, сплотить рабочихъ всѣхъ странъ въ одну могучую организацію; способъ, который на послѣднемъ рабочемъ конгрессѣ въ Базелѣ, въ сентябрѣ 1869 года, былъ признанъ единодушно за главное основаніе и точку отправленія всей настоящей организаціи Интернаціональной ассоціаціи работниковъ.

Кто не знаетъ какихъ жертвъ и какихъ страданій каждая стачка стоитъ работникамъ. Но стачки необходимы; такъ необходимы, что безъ нихъ не было бы возможности ни поднять народныя массы на соціальную борьбу, ни организировать ихъ. Стачка — война, а народныя массы организируются только во время войны и только посредствомъ войны, вырывающей каждаго работника изъ его обыкновеннаго, безсмысленнаго, безотраднаго и безнадежнаго уединенія; война соединяетъ его вдругъ со всѣми другими работниками, во имя одной страсти и одной цѣли, и убѣ-

ждаетъ всѣхъ самымъ наглядным и ощутительнымъ способомъ въ необходимости строгой организаціи для одержанія побѣды. Возбужденныя народныя массы все равно что расплавленный металлъ, который спаивается, сливается въ одну сплошную массу и формируется гораздо легче чѣмъ металлъ находящійся въ состояніи холодномъ, лишь бы только нашлись добрые мастера для формированія его, сообразно свойствамъ и внутреннимъ законамъ присущимъ данному металлу, сообразно народнымъ потребностямъ и инстинктамъ.

Стачки пробуждаютъ въ народныхъ массахъ всѣ соціально-революціонные инстинкты, которые таятся въ глубинѣ сердца каждаго работника, составляютъ можно сказать его историческое, общественно-физіологическое существо, но въ обыкновенное время, подъ гнетомъ рабской привычки и всеобщаго смиренія, сознаются только весьма немногими. За то, когда эти инстинкты, вызванные экономическою борьбою, просыпаются въ воспрянувшихъ рабочихъ толпахъ, тогда пропаганда соціально-революціонной мысли между ними становится чрезвычайно легка. Вѣдь эта мысль ни что иное какъ самое чистое и вѣрное вы-

раженіе народныхъ инстинктовъ. Если она не вполнѣ соотвѣтствуетъ имъ, такъ она ложна; а на сколько она ложна, она будетъ отвергнута народными массами. Но за то, если она выражаетъ ихъ честно, если она есть настоящая народная мысль, она овладѣетъ несомнѣнно и скоро возбужденными толпами бунтующаго народа; а когда разъ эта мысль впала въ народъ, она не замедлитъ обратиться въ торжествующую дѣйствительность.

Каждая стачка еще тѣмъ драгоцѣнна, что она расширяетъ и углубляетъ все болѣе и болѣе пропасть раздѣляющую уже нынѣ вездѣ классъ буржуазный отъ массы народной; что она самымъ ощутительнымъ образомъ доказываетъ работникамъ абсолютную несовмѣстимость ихъ интересовъ съ интересами капиталистовъ и собственниковъ, тѣмъ, что уничтожая такимъ образомъ въ самомъ сознаніи массъ нынѣ эксплуатируемыхъ и порабощенныхъ капиталомъ и собственностью возможность всякихъ компромисовъ и сдѣлокъ, уничтожая въ корнѣ все что мы называемъ соціализмомъ буржуазнымъ, она ставитъ дѣло народнаго освобожденія внѣ всѣхъ полити-

ческихъ и экономическихъ комбинацій имущихъ сословій.

Да, нѣтъ лучшаго средства чтобъ вырвать работниковъ изъ подъ политическаго вліянія буржуазіи, какъ стачка. Мы недавно видѣли тому доказательство во Франціи. Извѣстно, что выборы 1869 года въ трехъ главныхъ городахъ: въ Парижѣ, въ Ліонѣ и въ Марселѣ были торжествомъ для партіи буржуазно-республиканской, благодаря единодушію, съ которымъ работники, позабывъ и Іюньскіе дни и всѣ старыя обиды и горькіе уроки недавнопрошедшаго, подали свои голоса въ пользу непримиримыхъ республиканцевъ, непримиримыхъ въ двойномъ отношеніи: и въ отношеніи къ императору и къ имперіи, но еще болѣе въ отношеніи къ народному соціализму. Это было со стороны работниковъ и очень великодушно и очень . . . . наивно.

Впрочемъ глупости бываютъ полезны, а главное, онѣ неизбѣжны въ народной исторіи. Народныя массы, лишенныя книжнаго образованія и неимѣющія ни привычки къ сознательно-послѣдовательному развитію мысли, ни достаточно времени для размышленія, учатся и доходятъ до истины рядомъ факти-

ческихъ неудачъ и совершаемыхъ ими промаховъ. Видно французскимъ работникамъ надо было сдѣлать еще этотъ опытъ, чтобъ окончательно убѣдиться въ рѣшительной неспособности представителей буржуазнаго радикализма служить народному дѣлу.

Послѣ этой побѣды на выборахъ, французскіе работники были такъ восхищены своимъ, или вѣрнѣе, чужимъ торжествомъ, одержаннымъ только ихъ единодушнымъ усиліемъ, что казалось, они совсѣмъ забыли свой собственный соціальный вопросъ. Точно присутствіе какихъ нибудь двадцати или тридцати старыхъ, отжившихъ и пережившихъ себя республиканцевъ въ законодательномъ собраніи могло измѣнить что нибудь не только въ экономическомъ положеніи рабочей массы, но даже въ настоящихъ отношеніяхъ имперіи!

Работники ждали отъ своихъ депутатовъ чудесъ. Депутаты ровно ничего не сдѣлали и оказались въ законодательномъ собраніи тѣмъ, чѣмъ они были вездѣ и всегда — нулями, нулями по положенію и по убѣжденію, по всей программѣ своей, равно какъ и по своимъ отношеніямъ къ правительственному

и къ рабочему міру — старою, идеальною фразою объ идеальномъ правѣ между двумя не на животъ а на смерть борящимися дѣйствительностями. Видя бездѣйствіе своихъ депутатовъ, работники стали къ нимъ несправедливы — требуя дѣла и силы отъ людей обреченныхъ на безсиліе всѣми условіями той среды, въ которой они дѣйствуютъ и всѣмъ своимъ личнымъ положеніемъ. — Они не хотѣли или не умѣли понять, что самые умные, самые сильные, самые искренніе и горячіе люди, состоятельны только до тѣхъ поръ, пока у нихъ есть почва подъ ногами, пока они остаются въ средѣ и въ условіяхъ соотвѣтствующихъ предпринятому ими дѣлу, и что нѣтъ силы способной бороться противъ ложнаго положенія; а что выходъ изъ такого положенія есть поэтому первое и необходимое условіе для того, чтобы сила не перестала быть силою, для того чтобъ она не превратилась въ безсиліе. А что можетъ быть ложнѣе и нелѣпѣе положенія представителей народнаго дѣла въ императорскомъ парламентѣ!

Мы докажемъ впослѣдствіи, что не только императорскій, но никакой политическій

парламентъ, даже самый республиканскій, хоть бы онъ весь состоялъ изъ работниковъ, не въ силахъ дать народу свободу дѣйствительную. Объ императорскомъ и говорить нечего. Всякому должно быть ясно, что его дѣло притѣснять, а не освобождать, и что каковы бы ни были внутреннія чувства и идеальныя стремленія демократическихъ и народолюбивыхъ членовъ его, въ дѣйствительности они будутъ всегда участниками притѣсненія.

Французскіе работники, не смотря на все свое остроуміе, такъ мало поняли это, что они приписали бездѣйствіе и безсиліе своихъ депутатовъ не плачевнымъ необходимостямъ нелѣпаго положенія, а личной слабости и даже измѣнѣ — они были готовы требовать ихъ отставки, для того чтобъ замѣнить ихъ другими, болѣе энергическими и честными; и неизвѣстно какъ бы долго они стали блуждать въ этой безвыходной политической трущобѣ, еслибъ рабочія стачки, вызванныя экономическою необходимостью и поднявшіяся вдругъ и почти одновременно во всѣхъ концахъ Франціи, не возвратили ихъ къ ихъ настоящему, соціальному вопросу.

Обеньскія, Рикамарійскія и Крезотскія стачки принесли двойную пользу. Они разсѣяли туманъ съ двухъ сторонъ, опредѣливъ ясно въ одно и тоже время, отношенія рабочаго вопроса къ имперіи и къ представителямъ буржуазной республики.

Извѣстно, что имперія долго кокетничала съ рабочими массами. Между слугами Наполеона III есть цѣлая категорія, чтобы не сказать партія, предводительствуемая Персиньи, въ противоположность къ буржуазнымъ либеральнымъ стремленіямъ, силилась создать дикій и развратный союзъ императорскаго деспотизма съ рабочимъ соціализмомъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ мы видѣли нѣчто подобное въ Россіи, гдѣ славянофилы вмѣстѣ съ красною бюрократическою партіею Милютина, мечтали объ уродливомъ сочетаніи крестьянства съ императорствомъ. Извѣстно чѣмъ кончилась эта попытка въ Россіи. Сослуживъ свою безчестную и кровавую службу противъ несчастной Польши, милютинцы и славянофилы увидѣли себя отброшенными въ сторону, какъ подставка переставшая быть полезною, и замѣненными настоящими слугами всероссійскаго государства: Муравьевыми,

Шуваловыми, Бергами, Потаповыми, и множествомъ другихъ . . . . вѣрныхъ, а главное исполнительныхъ людей.

Во Франціи, императорскій соціализмъ имѣлъ столь же плачевный конецъ. Рабочая кровь, пролитая въ Рикамари и въ Обенѣ наполеоновскими солдатами, открыла окончательно глаза французскому пролетаріату. Работники поняли, что императоръ, со всѣмъ государственнымъ заведеніемъ своимъ — имъ врагъ.

Но тѣ же самыя стачки показали имъ съ другой стороны, что и буржуазный радикализмъ имъ нисколько не другъ. Интересно было слѣдить за словами и дѣйствіями непримиримыхъ представителей народа въ законодательномъ собраніи, и за проявленіями самыхъ революціонныхъ буржуазно-республиканскихъ журналовъ, во время этихъ стачекъ и послѣдовавшей за ними рѣзни. Имъ нельзя было не заступиться за работниковъ, но они дѣлали это такъ принужденно, такъ холодно, что видно было какъ они отстаивали не свое, а чужое, рабочее дѣло. Они отстаивали не работниковъ требующихъ права на жизнь и на человѣческое равенство, а гражданъ оскорбленныхъ въ своемъ политическомъ

правѣ. Въ парламентѣ ни одинъ депутатъ не смѣлъ сказать ни одного слова въ защиту собственно рабочаго вопроса. А между журналами только одна „Марсельеза“ имѣла храбрость поставить его. Всѣ другіе ограничились политическою стороною вопроса. Такимъ образомъ работникамъ стало ясно, что между ними и буржуазнымъ радикализмомъ, такая же и пожалуй еще глубже пропасть, чѣмъ та, которая существуетъ между республиканцами и имперіею.

И этою ясною постановкою соціальнаго вопроса во Франціи, работники обязаны единственно стачкамъ.

Да, стачки великое дѣло: онѣ создаютъ, размножаютъ, организуютъ и образовываютъ рабочее войско — но войско, которое должно побороть и сломить буржуазно-государственную силу и приготовить широкую и свободную почву для міра новаго.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

М. ГОРЬКІЙ
Л. Н. ТОЛСТОЙ
Н. ЩЕДРИНЪ

ТРИ

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ

САТИРЫ

Цѣна 1 м. 20 пф.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

Д-ръ ЛЕО.

ПОЧЕМУ и КАКЪ

МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ

КЪ АНАРХІИ?

Цѣна 2 мар.